

РЕЦЕНЗИИ

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ США: В 6 т. М.: НАСЛЕДИЕ, 1997–2013

Завершился самый крупный российский литературоведческий проект 1990–2010-х гг.: из печати вышел последний том “Истории литературы США”, охватывающей три столетия, в течение которых состоялось становление и выдвигание американской литературы в качестве явления мирового масштаба. Эта фундаментальная работа выполнена большим коллективом авторов, представляющих ведущие научно-исследовательские центры и университеты России, Украины и некоторых других стран, в рамках исследовательского проекта Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН. Главный редактор издания – патриарх советской и российской американистики, профессор Я.Н. Засурский. Огромный труд по редактированию материалов “Истории...” выполнили главный научный сотрудник ИМЛИ, доктор филологических наук М.М. Коренева (зам. главного редактора) и заместитель директора ИМЛИ по научной работе, доктор филологических наук Е.А. Стеценко.

Подобного масштабного академического издания (6 томов, из них шестой состоит из двух книг в 114 печатных листов) не существует ни в одной стране за пределами США, где на протяжении последних семидесяти лет вышли “Литературная история Соединенных Штатов Америки” под ред. Р.Э. Спиллера и др., “Колумбийская литературная история Соединенных Штатов” под ред. Э. Эллиотта, “Кембриджская история американской литературы” под ред. С. Берковича и “Новая литературная история Америки” под ред. Грейла Маркуса и Вернера Соллорса. Вышло также несколько авторских историй литературы США, в основном ориентированных на студенческую аудиторию. Разница в подходах обнаруживается даже в названиях книг. Р.Э. Спиллер и Э. Эллиотт четко выделяют ориентацию именно на литературу США, в то время как С. Беркович, Г. Маркус и В. Соллорс дают более широкую трактовку понятию “американская литература”, включая многочисленные отсылки к явлениям в других литературах американского континента.

Цели изданий значительно отличаются друг от друга, что связано как со временем их создания, так и приоритетами американского литературоведения на том или ином этапе. В трехтомнике под ред. Р.Э. Спиллера (1946) история литературы США прослеживается со времени основания пер-

вых колоний на североамериканском континенте; авторы останавливаются на наиболее значительных явлениях и персоналиях, показывая их во взаимосвязи с общественно-историческим процессом в стране. Это серьезное издание, которое на много лет оказало влияние на исследования американской литературы в разных странах, став своего рода эталоном для последующих попыток дать всесторонний взгляд на литературу США. Естественно, оно отражало состояние литературоведческой мысли своего времени, и потому целый ряд явлений и имен не нашел своего отражения в этом, безусловно, важном проекте.

“Колумбийская история” (1988) вышла четыре десятилетия спустя, в новой историко-литературной ситуации, отмеченной влиянием постструктурализма и постмодернизма, когда происходил пересмотр литературного канона. Авторы этого тома представляют плюрализм взглядов на ход литературного процесса в США, рассматривая его не только с культурно-исторической, но прежде всего с теоретической точки зрения. Анализ литературных явлений с позиций “новой критики”, мульти- и транскulturализма, марксизма, теории феминизма и других направлений в современном литературоведении во многом обогатил наше представление о состоянии изучения литературы США за океаном. Вводится большой пласт произведений, которые до того времени не становились предметом анализа, благодаря чему исследование истории развития литературы США поднялось на новую высоту. Однако, демонстрируя новые подходы в американском литературоведении, книга выявила и уязвимое место – отсутствие общей концепции, на что обратил внимание Я.Н. Засурский: «Эта множественность не сводимых воедино концепций и представлена в “Колумбийской литературной истории Соединенных Штатов”» (т. 3, с. 7).

8-томная “Кембриджская история американской литературы”, публикация которой заняла целое десятилетие (1994–2004), представляет междисциплинарный подход к литературе, основанный на использовании результатов этнических, гендерных, феминистских, постколониальных, культурологических исследований, теории массовой культуры, которые активно разрабатывались в конце XX века. Литература выступает во взаимосвязи с различными направлениями

гуманитарных наук. Участие ведущих ученых и специалистов в области литературоведения, истории, антропологии, философии в данном проекте обеспечило не только высокий научный уровень, но также разнообразие и широту представленных взглядов. (Кстати, некоторые из них явились авторами разделов в “Колумбийской истории”). Все же и в этом случае остается вопрос о цельности видения литературного процесса. При всей аналитической насыщенности текста, точности характеристик сменявших друг друга направлений, знаковых для американской литературы произведений, а также эмпирическими наблюдениями, возникает впечатление фрагментарности, увлеченности идеей разногласия, что сказалось даже в структуре и содержании отдельных томов. Так, в специальные тома выделены поэзия и литературная критика (4-й, покрывающий период с 1800 по 1910 г., 5-й – с 1900 по 1950 г. и 8-й – с 1940 по 1995 г.). Анализ развития американской прозы посвящены остальные тома, однако возникает вопрос о периодизации литературного процесса. Второй том завершается 1865 годом, а третий начинается 1860-м и завершается 1920-м; шестой начинается 1910-м и завершается 1950-м, а седьмой начинается 1940-м. Хотя речь идет о 5–10 годах, они оказываются существенными, поскольку включают или исключают важнейшие исторические события (Гражданская война, Первая мировая война, Вторая мировая война), серьезно повлиявшие на литературу.

Опубликованная в 2009 г. “Новая литературная история Америки” оказалась новой даже по концепции, поскольку вместо показа развития литературы в контексте времени в ней выхватываются только наиболее значительные, по мысли авторов, явления в истории, культуре, литературе, общественно-политической жизни страны в каждый год истории США, начиная с 1507 г. Их комментируют писатели, драматурги, поэты, художники, литературоведы из США и других стран для того, чтобы “вызвать любопытство читателя, поставить вопросы, а не закрыть сложные случаи”¹. Анализ романа Ричарда Пауэрса “Время, когда мы поем” соседствует со статьей об урагане “Катрина”, за которой следует статья художницы Кары Уокер об избрании Барака Обамы Президентом США, представляющая собой коллаж из 9 черно-белых силуэтов человеческих фигур, снабженных фрагментами из автобиографии Обамы. Цель этой необычной книги, какой

ее видят редакторы, – “пересмотр американского опыта, каким он видится в литературном зеркале, где в центре внимания – речь в различных формах. На протяжении всей книги мы искали те точки во времени и воображении, где происходили изменения: когда появлялась новая идея или форма, поднимались новые вопросы, когда то, что раньше казалось невозможным, становилось необходимым или неизбежным”². Понятно, что книга не носит энциклопедического характера, но свою задачу спровоцировать интерес к ходу развития культуры и литературы США она выполнила, вызвав бурную дискуссию среди литературоведов.

Российская “История” концептуально иная. Безусловно, ее авторы учли уроки своих американских коллег. Это действительно история литературы США, которая прослеживается на огромном фактическом материале. Один указатель имен и названий насчитывает тысячи наименований. Важно и то, что проект развивает многолетние наработки советских американистов в виде монографических изданий, диссертаций, книг по истории американской литературы разных периодов и по творчеству отдельных авторов, которые в той или иной степени послужили основой издания.

“История литературы США” отличается четкой периодизацией литературного процесса, вытекающей из основных этапов его развития, которое определялось как особенностями исторического формирования страны, так и спецификой вызревания и утверждения литературных направлений и методов, с особой силой проявившихся в конкретный период. Вполне логично, что главе о литературе XVII века предшествует блестяще написанная безвременно ушедшим из жизни А.В. Ващенко статья о культуре североамериканских аборигенов доколониальной эпохи, которая, по его мнению, является “первоисточником важных тенденций развития американской культуры” (т. 1, с. 39), что имеет принципиальное значение. Действительно, с одной стороны, это длительный по времени период, который в большинстве подобного рода изданий отсутствует: история литературы США, как правило, начинается с первых поселений иммигрантов на американском континенте. С другой – доколониальная культура изучена недостаточно глубоко, и А.В. Ващенко заполняет существенную лакуну, показывая значение аборигенной культуры для формирования национального своеобразия литературы США.

¹ *Marcus, Greil; Sollors, Werner. Introduction // A New Literary History of America / ed. Greil Marcus, Werner Sollors. – Cambridge, MA; London: Belknap Press, 2009. P. XXVI.*

² Там же. P. XXIV.

Следуя логике литературного процесса в США, авторы пошли по верному пути, предпослав каждому тому методологически тщательно обоснованную вводную статью, раскрывающую контекст, в котором начинают проявляться особенности рассматриваемого периода, тенденции в развитии литературного процесса, происходит смена направлений и художественных парадигм (Я.Н. Засурский, А.М. Зверев, М.М. Коренева, Е.А. Стеценко, П.В. Балдицын). Это программные статьи, которые задают тон всем материалам тома и призваны восполнить естественный недостаток персоналий, вызванный объемом издания. Такими представляются вводная статья ко всему изданию (Я.Н. Засурский), глава об американском романтизме (А.М. Зверев), о литературе XVII и XVIII веков (М.М. Коренева), путях развития реализма (П.В. Балдицын).

Статьи А.М. Зверева об американском романтизме носят подчеркнуто концептуальный характер и позволяют проникнуть в его многоаспектную природу. Блестящий знаток американской литературы рассматривает романтизм как важнейший этап в формировании национальной литературной традиции. Проводя сравнения с европейским романтизмом, А.М. Зверев показывает существенные отличия американского романтизма, появившегося в иных исторических условиях и на другой интеллектуальной почве, что обеспечивает ему особое место в мировой литературе. Важный вывод, к которому он приходит на основе анализа творчества двух поколений американских романтиков, с их внутренними противоречиями и спорами, заключается в художественной целостности американского романтизма. По мнению литературоведа, «он предстает, без всяких оговорок и уточнений, единством – и как эстетическая концепция, и как реально существующее направление в литературе» (т. 5, с. 54), что отвечает стратегическому вопросу обретения американской литературой творческой самостоятельности и выработки самобытных художественных форм, которые не копируют европейские образцы, а становятся фундаментом уникального литературного явления мирового уровня. Глава о позднем романтизме в 3-м томе (Е.А. Стеценко) развивает основные положения А.М. Зверева, подчеркивая «повышенное внимание позднего романтизма к эстетическим проблемам, которые тесно связывались с этическими» (т. 3, с. 18). Автор справедливо указывает на зарождение реалистической трактовки явлений действительности внутри романтической поэтики и прослеживает влияние романтизма на творчество американских писателей последующих поколений.

Особое место занимает характеристика литературы трансцендентализма, определившего своеобразие американского романтизма с его верой в предназначение Америки, демократическими идеалами, философской платформой, этической и эстетической программой и литературной практикой. Основные статьи этого раздела принадлежат проф. Э.Ф. Осиповой, крупнейшему российскому исследователю этого яркого феномена.

Именно в это время начинают проявляться региональные отличия, которые станут одной из удивительных черт американской литературы и будут прослеживаться на протяжении всего издания, углубляя наше понимание специфики становления американской литературы. Уже на раннем этапе намечается водораздел между литературой Новой Англии и творчеством писателей американского Юга, формирующихся в специфической культурной атмосфере, а затем, с продвижением на Запад и Юго-Запад, возникнет ключевое понятие фронта. Оно станет определяющим для американской культуры, поскольку опыт «пограничья» окажется краеугольным камнем как для национальной мифологии, так и для поэтики фронта, которая будет востребована всей последующей литературой США. Все эти положения весьма четко изложены в отдельных разделах издания.

Важным дополнением к анализу развития романтизма является глава об ораторской традиции (А.М. Зверев и Н.Л. Якименко). Без неё невозможно понять особенности американской ментальности и литературной символики, густо замешанной на пуританской проповеди и изощренной риторике, которые мощно проявятся в произведениях американских романтиков.

С теоретической точки зрения глава о развитии реализма в американской литературе (П.В. Балдицын, том IV) представляется весьма насыщенной. Проводя естественные параллели с формированием реалистического направления в европейских литературах, автор подробно останавливается на специфических условиях, в которых утверждался реализм в США, где он по-своему взаимодействует с романтизмом и черпает из его художественного арсенала. Автор исследует социально-исторические и интеллектуально-духовные факторы, способствовавшие утверждению реализма, особо останавливаясь на вопросе о связи американского реализма с европейской школой, вопросе, который занимает одно из центральных мест во всех дискуссиях о его своеобразии. Взяв для анализа творчество Марка Твена и Генри Джеймса – художественных антиподов, представлявших реалистическое направление, он

выводит его этимологию из американского юмора – низового и массового течения, созданного “на грани фольклора, журналистики, рекламы и политической пропаганды” (т. 4, с. 14), а также из европейского влияния. В главе дается точная периодизация американского реализма, анализируется его эстетическая платформа, рассматриваются факторы, вызвавшие развитие жанров новеллы и романа как ведущих в реалистической литературе США, раскрывается специфика в развитии сюжета и выборе героя, благодаря чему обнажаются его корни и прочерчиваются связи с литературой XX века.

Естественным образом этот раздел получает продолжение в главе о натуралистической школе американской литературы (Я.Н. Засурский), опирающейся, с одной стороны, на американские исследования, прежде всего В.Л. Паррингтона, а с другой – на труды российских ученых, в частности работы Л.Г. Андреева, В.А. Миловидова, В.М. Толмачева. Автор очерчивает круг писателей, которые, по его мнению, в той или иной степени выразили в своем творчестве принципы натурализма, и определяет его значение для литературы США как “гигантского толчка”, способствовавшего “освоению новых жизненных пластов, ускорению развития литературы в ее многообразии” (т. 4, с. 600). Отмечая скоротечность натурализма, ученый указывает на его взаимодействие с реалистическим направлением и сильное влияние на всю последующую американскую литературу и настаивает на его художественной ценности.

Несколько удивляет, что в томах, посвященных литературе XX века, отсутствует глава об американском модернизме, который стал значительным явлением в литературе, вступая в весьма сложное взаимодействие с другими литературными направлениями. Вопросы модернизма и эксперимента в американской литературе этого периода, под которым, вполне понятно, подразумевается модернизм, в разном виде присутствуют в статьях 4–6 томов, раскрывающих особенности литературного процесса или анализирующих творчество отдельных писателей. Вероятно, более целесообразным было бы выделить особенности американского модернизма в отдельную главу, чтобы у читателя сложилась цельная картина становления и взаимодействия разных направлений и школ в диахронии и синхронии.

К сожалению, обзорная статья самого насыщенного информацией 6-го тома, состоящего из двух частей, выглядит чересчур лаконичной. Вероятно, следовало предпослать крупным разделам этого тома отдельные статьи, что сделано только в

отношении публицистики и драматургии. А ведь это наиболее яркий в творческом плане период развития американской литературы. Необходимо было также оговорить, как будет рассматриваться наследие писателей, чье творчество пришлось на 1920–60-е годы (Дж. Стейнбек, Э. Хемингуэй, У. Фолкнер): ограничивается ли анализ 1940-ми годами?

С третьего тома начинается подробный обзор развития всех родов литературы и критики с выделением наиболее значительных литературных явлений (литература аболиционизма, Гражданской войны, этнические литературы и т.д.), благодаря чему литературный процесс предстает в своей динамике и противоречивости, помогая увидеть связи между разнонаправленными тенденциями и их влияние на американскую и мировую литературу. Статьи об американском рассказе (П.В. Балдицын), поэзии (Т.Д. Венедиктова) и драматургии (М.М. Коренева) выделяются основательностью и энциклопедичностью. Рассказ предстает в своей эволюции, позволяющей проследить специфический ход развития этого жанра в американской литературе и увидеть отличительные черты американского рассказа в сравнении с европейской новеллой, сделавшие его излюбленным жанром литературных журналов США.

Развитие поэтической традиции ведется на протяжении всего издания. Представляется вполне логичным, что большинство статей о поэзии и персоналиях написаны ведущим специалистом в этой области Т.Д. Венедиктовой. На протяжении нескольких томов рассматривается становление американского театра, изменение его ориентиров под влиянием как вкусов и запросов публики, воздействия европейской театральной практики, так и личной жизни драматургов, принесших американскому театру мировую славу, причем это как авторы первого ряда (Ю. О’Нил, Л. Хеллман, К. Одетс), так и те, кто внесли свой, пусть и не такой весомый, вклад в развитие американской драматургии.

В любом издании подобного рода возникают проблемы: как соединить основательный обзор историко-литературного периода, опирающийся на четко выверенный понятийный и терминологический аппарат, отсылающий к теоретическим вопросам метода и направлений, со статьями о творчестве отдельных писателей, где этот аппарат “работает”; по каким критериям отобрать персоналии. Не исключено, что кто-то удивлен отсутствием статей о П. Бак, Т. Уайлдере, Г. Миллере и других авторах, которые вскользь упоминаются в некоторых статьях. Не всегда достаточно пред-

ставлены писатели “второго ряда”, создающие фон, который содействовал вызреванию талантов литераторов, принесших американской литературе мировое признание. При этом весьма четко и полно представлены региональные особенности формирующейся национальной литературы, благодаря чему достигается панорамность видения, что не всегда свойственно, например, отдельным томам “Кембриджской истории”, создающей ощущение скорее мозаики, чем широкой панорамы литературного процесса.

Обращаясь к явлениям, вызванным к жизни непосредственными общественно-политическими событиями (публицистика федералистов – Е.М. Апенко, литература и движение против рабства – Т.Н. Денисова, публицистика США в 1920–30-е годы – П.В. Балдицын, пролетарский роман – Е.А. Стеценко, творчество Ричарда Райта – Л.П. Башмакова), авторы во главу угла ставят литературу, показывая сложные, далеко не прямые взаимосвязи с идеологическими установками различных общественных групп и движений, которым писатели симпатизировали. Иногда, правда, в литературном отношении некоторые явления оказались не слишком значительными. Г. Бичер-Стоу осталась в литературе автором знаменитого романа “Хижина дяди Тома”, с огромной силой обличавшего рабство; остальные ее романы не обладают большими художественными достоинствами, и некоторой натяжкой выглядит утверждение о том, что ее творческая манера “довольно близка манере Уильяма Дина Хоуэллса” (т. 3, с. 377). Вряд ли оставил след в литературе пролетарский роман в США, а фигура М. Голда выглядит достаточно противоречивой, особенно в том, что касается его взаимоотношений с писателями-современниками.

Редакторы стремились подчеркнуть естественный ход литературного процесса, что в случае столь объемным изданием оказывалось не всегда возможным. Вероятно, глава о жанре негритянской биографии (А.В. Ващенко) была бы вполне уместной не в пятом, а в третьем разделе третьего тома “Литература и движение против рабства”, поскольку негритянские невольничьи повествования были важным инструментом аболиционистов в борьбе с рабством. Однако именно пятый раздел посвящен этническим литературам, и редакторы сочли логичным включить главу в этот раздел. Вообще, обращение к истории развития этнических литератур как части ветвистого древа американской литературы выглядит взвешенным и лишено тех идеологических крайностей, которые характерны для целого ряда американских изданий. В первую очередь речь идет о становле-

нии литературных традиций афро-американцев, индейцев, чикано, представителей других этносов, которые формируются во взаимодействии с доминантной литературой, но в свою очередь оказывают на нее серьезное влияние, заметное и в творчестве крупнейших мастеров слова. И здесь нельзя не отметить роль А.В. Ващенко, написавшего большинство статей в разделе этнических литератур. Возникает серьезный научный диалог между авторами глав, который позволяет более ясно понять место этнических литератур в американском цивилизационном проекте.

Ценно, что авторы не обходят вниманием такие противоречивые явления, как массовая литература, которая появляется уже на раннем этапе формирования национальной литературы. Обычно литературоведение игнорирует сам феномен или рассматривает его с большой долей снисходительности, что в корне не верно. Необходимо понимать механизм воздействия этого вида литературы, подвергнув его не только тщательному анализу и деконструкции, но и выявлению его секретов, что удачно проделано в статье Е.А. Стеценко (т. 3), обратившейся, среди прочих, к самому популярному американскому роману всех времен – “Унесенные ветром” Маргарет Митчелл. Спорным, однако, представляется включение в эту главу романа Айн Рэнд “Источник” как произведения, балансирующего на грани “массовости”. Далеко не однозначное, творчество Рэнд в значительной степени отражает ее философские воззрения, которые в данном романе выразились, пожалуй, наиболее отчетливо, так что при всех ее слабостях книга не может рассматриваться как чисто развлекательная. Вообще, эта писательница еще ждет своего исследователя.

И, безусловно, большим достоинством издания являются главы, посвященные русско-американским литературным связям и взаимовлияниям, насчитывающим уже более двух столетий (Э.Ф. Осипова, М.М. Коренева), которые, наряду с другими составляющими, придают “русский акцент” этому уникальному проекту.

Начиная с четвертого тома издание резко увеличивается в объеме. Появляются статьи о творчестве писателей, которые до недавнего времени были недостаточно представлены в российском литературоведении (в первую очередь это писательницы конца XIX–начала XX в. Э. Глазгоу, Э. Уортон и др.). Во многом переосмысливается вклад в литературу целого ряда авторов (К. Шопен, Г. Стайн, С. Льюис и т.д.); в значительной степени расширяется контекст представляемых явлений, вводится анализ жанров, которые явля-

ются специфическими для американской литературы (например, документальной литературы).

В масштабной работе по осуществлению издания приняли участие десятки исследователей. Наряду с известными российскими американистами, свой значительный вклад в создание “Истории литературы США” внесли ведущие украинские ученые Т.Н. Денисова и Н.А. Высоцкая и профессор О. Оверланд из Норвегии. Это придало изданию объемность и научную весомость, но и создало вполне предсказуемые трудности, которые могли привести к стилевой разноголосице, повторяемости отдельных элементов в статьях разных авторов, что можно видеть по некоторым из американских “Историй”. К чести редакторов “Истории литературы США” им удалось, с одной стороны, сохранить индивидуальный голос каждого автора, а с другой – обеспечить стилевое единство издания, представляющего в целом трезвый, но заинтересованный взгляд на американскую литературу “с другого берега”. Маленькое пожелание: было бы хорошо дать в последнем томе небольшие биографические справки об авторах статей.

Нельзя не отметить отменную работу технического редактора Т.И. Мишутиной, благодаря которой огромный информационный пласт удалось вместить в семь томов.

Статьи “Истории” насыщены эмпирическими наблюдениями и демонстрируют исследовательскую скрупулезность, точность в отборе материала и его оценке, критический психологизм, чувство вкуса, умение работать в команде, перед которой поставлены сложнейшие литературоведческие задачи. Особой благодарности заслуживают составители указателей имен и названий

(Е.М. Шашкова, М.В. Тлостанова, Е.Н. Сченснович, А.П. Уракова, Н.А. Мороз).

Немаловажно, что статьи каждого тома написаны в классической академической манере, но при этом живо и интересно. Используя богатый литературоведческий материал как отечественных, так и зарубежных исследователей, авторы, однако, не злоупотребляют терминологическими изысками, что стало свойственно многим научным изданиям последних лет, когда литературоведение стало “вещью в себе”, доступной лишь “посвященным”, а смысл исследуемого явления теряется в терминологической мозаике.

Книги производят и приятное эстетическое впечатление: все они выдержаны в одном формате, а многочисленные иллюстрации удачно дополняют текстовый материал.

Это тщательно выверенное академическое издание, основанное на глубоком проникновении как в контекст развития американской литературы, так и в художественную ткань произведений, составивших ее канон. Пусть не обидятся создатели “Кембриджской истории” (к огромному огорчению, ее редактор С. Беркович ушел из жизни в декабре 2014 г.), но в отличие от нее шеститомник, вышедший в издательстве “Наследие”, – не узкоспециальное исследование, интересное только ученым и аспирантам. Оно предназначено каждому мыслящему человеку, который хочет открыть для себя увлекательный и неповторимый мир американской литературы. Можно только пожелать, чтобы работа была продолжена и читатель смог познакомиться с новейшим периодом в истории литературы США (1945–2010...).

Ю.В. Стулов